Сергей Фёдорович Ли

Ли Сергей

Ли Сергей Ли. Сергей Ли. Ли Сергей Ли. Ли Сергей Ли. Ли

Ноябрь. Ночь. Ветер. Дождь. Ветер. Дождь. Ветер. Дожд

когда все шло гладко, Москаленко признался, что, пока Иферев находился в магазине, он перетрусил: а вдруг операция сорвется и всех накроют?..

Полковник Зуб жил на улице Валовой, рядом с Павелецким вокзалом. Он уже стоял у подъезда своего дома. Поехали впятером, не считая шофера. Черный автомобиль марки ЗИС-110 вмещал шесть пассажиров, в салоне было два откидных места.

Во дворе Генерального штаба группу Москаленко встретил маршал Булганин. С ним — полученец Безрук. Подполковник Федор Тимофеевич Безрук был начальником охраны министра обороны. Пересели в автомобиль министра, в такой же ЗИС-110: Безрук — рядом с шофером, Булганин — на приставное место слева, Иферев — справа, остальные — сзади. Уместились двоеьмером.

— В Кремль,— распорядился Булганин. Когда подъехали к Троицким воротам, Булганин предупредил:

— Не высовывайтесь.

Действительно, выглядывать в окно не было резона, пропуска были не у всех.

Благополучно проскочили часовых, подкатили к особому правительственному подъезду — это называлось "с угопка",— поднялись на второй этаж. Вот и кабинет № 1, где когда-то сидел Сталин. Сейчас здесь заседал Президиум ЦК. Булганин вошел в кабинет, остальных провели из комнаты секретаря в смежный кабинет, напротив. Там находилось человек пятнадцать — двадцать — работники ЦК, несколько генералов и маршал Жуков. Держались все непринужденно, шутили, рассказывали анекдоты... К группе Москаленко подошел Жуков, поздоровался и спросил:

— Вы знаете, кого вам предстоит арестовать?

— Не знаем, но догадываемся,— ответил Москаленко. В этот момент появился Хрущев. Он подошел к Москаленко:

— Вам придется брать одного из членов Президиума. Возможно, он будет вооружен...

Хрущев остановил взгляд на рослых, могучего сложения Батицком и Иференве.

— Вот вы и подойдете к нему — вам скажут, когда — и возьмете его.

Иферев: — Что, и стрелять можно?

Хрущев: — Нет, его надо оставить для следствия. Оружие не применять. Пока все остаются здесь. Когда услышите два длинных звонка, направляйтесь к нам, на заседание. Приходите прямо в кабинет, мимо секретаря, не обращайте внимания ни на кого.

Хрущев вышел. Берия явился на заседание одним из последних, занял свое место и спросил:

— Какая повестка дня?

— Вопрос стоит один,— ответил Хрущев,— о Лаврентии Берия.

И, обратившись к Маленкову, добавил:

— Докладывай.

Прошло не более четверти часа, и раздались два продолжительных звонка. Военные открыли двери, навстречу им встал секретарь. Пятеро, минуя его, прошли в кабинет напротив. За ними следовал маршал Жуков.

... На председательском месте сидел Хрущев, по правую руку — Маленков, рядом с ним — Булганин, ближе к двери, наискосок от Маленкова,— Берия, напротив Лаврентия Павловича — Ворошилов.

Вошедшие встали слева, ближе к Булганину, за спиной Берия. Маленков заканчивал чтение документов: "... Как видите, Берия оказался не только врагом внутренним, но и врагом в международном плане. Предлагается немедленно его арестовать и передать в руки этих товарищей".

Батицкий обнажил свой "парабеллум", Иферев — "ТТ".

Берия сидел опустив голову и нервно что-то писал карандашом на листе бумаги. Потом оказалось, что он выводил лишь одно слово "тревога", повторил это слово девятнадцать раз. Наконец Берия поднял глаза, военные уже стояли подле него — Иферев по левую руку, Батицкий по правую. Ладони Иферева скользнули сверху вниз по карманам арестованного.

— Оружия у меня нет,— сказал Берия и поднял руки.

Батицкий и Иферев предложили Берия пройти в комнату отдыха — она примыкала к кабинету слева. Посадили министра на диван, встали рядом. Москаленко, Баксов, Зуб расположились на стульях в углу, возле круглого столика, с пистолетами в руках. Командующий достал свой "вальтер".

Батицкий: — Снимите с него пенсне.

Иферев исполнил приказание.

Берия: — Как же я теперь буду видеть? У меня слабое зрение...

Батицкий: — Нечего тебе смотреть. Ну-ка покажи, что у тебя в карманах.

Берия достал носовой платок и записную книжку.

Берия: — Убери свою пуку.

Батицкий: — Ничего, она еще пригодится.

Москаленко: — Послушайте, Батицкий, с ним не следует сейчас разговаривать.

Берия замолчал и принялся тщательно разглаживать руками стрелки брюк и стряхивать с них пылинки. На нем был серый поношенный костюм, под пиджаком — белая сорочка без галстука.

Через некоторое время в комнату вошли заместитель командующего танковой армии генерал Андрей Лаврентьевич Гетман и командующий артиллерией Советской Армии генерал Митрофан Иванович Неделин. Их прислали в помощь Москаленко.

В комнате отдыха военные пробыли с арестованным до глубокой ночи. Это были тревожные часы, никто не знал, чем все кончится...

Москаленко тем временем отдавал распоряжения — уже на правах командующего Московским военным округом. Прежний командующий, генерал Артемьев, был смещен.

Члены Президиума ЦК отправились в тот вечер в Большой театр. Давали оперу "Декабристы". Один Ворошилов остался в Кремле.

История сохранила фотографию: Берия с Ворошиловым стоят в обнимку, словно братья. Но Клим всегда ненавидь удачливого Лаврентия и боялся его. Трусливый маршал тужился предугадать ход событий, ведь могущественного чекиста могли выручить его давние дружки, тот же Иван Серов. Напрасно Никита Сергеевич ему доверился. И когда Берия наконец вывели из комнат Президиума ЦК, Ворошилов был тут как тут. Он искательно заглядывал в глаза рослым конвоирам. Подполковник Иферев оставил свою фуражку в кабинете секретаря на вешалке и, проходя мимо, хотел ее достать. Услужливо подскочил Ворошилов: "Сейчас я тебе, голубчик, подам..."

Надо сказать, что по указанию Хрущева и Булганина каждому офицеру охраны с утра был приден армейский офицер. Гебистам пояснили, будто это входит в план репетиции военного положения. Так они и стояли парами на каждой лестничной площадке, у каждой двери. К вечеру гебисты куда-то исчезли, остались одни армейские офицеры. Они стояли сдвоенными рядами вдоль всех коридоров. Берия провели сквозь строй и посадили в машину Булганина. Арестованного поместили на заднее сиденье. Батицкий сел слева, Иферев — справа. На всякий случай Иферев сунул дуло пистолета под ребра Берия. А он смотрел по дороге в окно, явно любопытствуя, куда его везут.

Москаленко сидел рядом с шофером. Баксов и Зуб заняли откидные места.

Машина помчалась по набережной к Абельмановской заставе, повернула налево. Вот и Алешинские казармы, здесь уже ждал вновь назначенный комендант города генерал Иван Колесников. Он поместил Берия на гауптвахту, под усиленную охрану. Начальником караула был назначен генерал Батицкий, ответственными дежурными — Гетман, Зуб, Иферев, Неделин, Баксов. Караул несли офицеры из войск ПВО Москвы.

Ночь Берия провел на гауптвахте. На другой день, в 12 часов, в казармы прибыли новый министр внутренних дел Круглов и бывший заместитель Берия генерал Серов.

Заметив высоких визитеров, Москаленко бросил сопровождающему его подполковнику Иференву: "Как они здесь очутились, эти сволочи?".

Генерал спросил прибывших:

— Что вам здесь нужно?

— Они прибыли для проведения следствия,— ответил за них комендант.

Москаленко: — Какого еще следствия? Уберите их отсюда сейчас же! (Коменданту): — Выведите отсюда посторонних.

Серов: — Мы не посторонние.

Москаленко: — Вас никто не уполномочивал. Серов: — Нас послали сюда, чтобы начать следствие.

Москаленко: — Мне об этом ничего не известно. Никто вам таких полномочий не давал.

Серов с Кругловым уехали, а Москаленко с подполковником поспешили к Маленкову. Генерал доложил премьер-министру об инциденте.

На экстренном заседании Президиума ЦК было решено перевести Берия в штаб МВО. Следствие по делу Берия и его подручных возглавил Генеральный прокурор Руденко.

Втаб МВО находился около набережной реки Москвы. Вечером 27 июня туда прибыл Булганин. Он остался доволен осмотром помещения и ночью бывшего министра, бывшего члена Политбюро перевезли на новое место. Как и в первый раз, его сопровождал в автомобиле Москаленко с четырьмя помощниками.

Берия поместили в небольшую комнату площадью не более двенадцати квадратных метров. Койка, табурет — вот и вся мебель. Там же, в бункере, проходило следствие. Особый кабинет отвели Генеральному прокурору.

Москаленко находился в штабе округа неотлучно. И ночевал там вместе с Иференвым. На охране штаба дежурили танки и бронетранспортеры.

Берия пришлось сменить свой костюм на солдатское обмундирование — хлопчатобумажную гимнастерку и брюки. Еду арестованному доставляли из гаража штаба МВО — солдатский паек, солдатская сервировка: котелок и алюминиевая ложка.

Первые дни Булганин звонил в бункер каждую ночь после 12 часов:

— Как дела? Все спокойно? Как себя ведет арестованный?

Если генерал Москаленко уже спал, Булганин получал информацию от подполковника Иференева, который постоянно дежурил в одном из подземных кабинетов.

Охрана надежная, случайности были исключены. Ну, а если бы кому-то удалось передать Берия в камеру яд, нашлось бы у него мужество покончить с собой? Ведь вот же у его берлинского коллеги Гиммлера рука не дрогнула. Нет, в этом случае он поступил бы как типичный уголовник — трусливо.

... Что его ждет? Неужто они посмеют? Нет, конечно. Он как-никак член Политбюро.

В 1921 году он впервые отведал тюрьму. И выбрался с помощью Багирова. Верные друзья теперь должны помочь, они заставят считаться со своим мнением этого выскочку Никиту. Но Маленков, Маленков! Сколько он для него сделал... Если бы не он, Лаврентий, сидеть бы ему по сей день в Средней Азии, в ссылке. Если бы Хозяин позволил ему остаться в живых.

Берия постучал в дверь и попросил бумаги и ручку. Ему дали тетрадный лист и карандаш.

"Егор разве ты не знаешь меня забрали какие то случайные люди хочу лично доложить обстоятельства когда вызовешь".

Берия называл Георгия Маленкова Егором. Заглавные буквы почему-то не жаловал, знаки препинания презирал.

Он передал записку дежурному офицеру... Да, после двадцать первого года он быстро пошел в гору, через десять лет возглавил ГПУ Закавказья, потом — ЦК партии Грузии и Закавказский крайком. Новый перевал — год 1938-й, пост наркома СССР. Следующий — год 1953-й. Он так удачно начался, столько радостей ему сулил... И вдруг эта нелепость. Нет, им не обойтись без него, да и народ ценит его широкую, щедрую натуру. Если правду сказать, то он один во всем правительстве искренне заботится о благе трудящихся.

... Прошло два дня. От Маленкова— ничего. Последственный передал ему вторую записку. "Егор почему ты молчишь?"

Обе записки — карандашом, на четвертушках бумаги — остались у Хрущева.

На предвыборном собрании избирателей Тбилисско-Сталинского округа по выборам в Верховный Совет СССР в ноябре 1937 года Лаврентий Берия клялся: "Как член великой партии Ленина — Сталина я обязан хранить в чистоте великое звание члена партии, высоко держать знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина".

В чем же он ошибся? Может быть, слишком высоко держал сталинское знамя?

На следствии Берия вел себя вызывающе, признавался только в тех преступлениях, которые прокуратуре удалось установить и подкрепить неопровержимыми уликами.

Следствие длилось полгода. Документы, свидетельские показания, протоколы допросов составили девятнадцать томов. По делу проходило шесть соратников Берия: Владимир Деканозов, Всеволод Меркулов, Лев Влодзимирский, Павел Мешик, Сергей Гоглидзе, Богдан Кобулов — всего лишь частичка бериевской армии головорезов.

Наконец Берия предложили ознакомиться с обвинительным заключением. Когда Руденко приступил к чтению объемистого, страниц на сто, документа, Берия затянул уши. Прокурор потребовал объяснений.

Берия:— Меня арестовали какие-то случайные люди... Я хочу, чтобы меня выслушали члены правительства.

Руденко: — Вас арестовали согласно решению правительства, и вы это знаете. Мы заставим Вас выслушать обвинительное заключение.

Берия отвели в камеру и перестали кормить.

Один день выдержал без пищи несгибаемый сталинский нарком, потом запросил обед и выслушал обвинительное заключение.

Суд проходил на первом этаже здания штаба округа. Председателем Специального судебного присутствия Президиума Верховного Суда СССР был маршал Конев, государственным обвинителем — Руденко.

Суд длился 6 дней — с 18 по 23 декабря. Из Грузии пригласили председателя совета профессиональных союзов республики М. И. Кучава. Когда он ознакомился с материалами дела, ему на глаза попался пространный список женщин, изнасилованных Берия.

— Ради бога, не оглашайте имен! — взмолился Кучава.— Три четверти в этом списке — жены членов нашего правительства.

Что будет, что будет...

Казнили приговоренного к расстрелу в том же бункере штаба МВО. С него сняли гимнастерку, оставив белую нательную рубаку, скрутили веревкой сзади руки и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Этот щит предохранял присутствующих от рикошета пули.

Прокурор Руденко зачитал приговор.

Берия: — Разрешите мне сказать...

Руденко: — Ты уже все сказал. (Военным).— Заткните ему рот полотенцем.

Москаленко (Иференву): — Ты у нас самый молодой, хорошо стреляешь. Давай.

Батицкий: — Товарищ командующий, разрешите мне (достает свой "парабеллум")— Этой штукой я на фронте не одного мерзавца на тот свет отправил.

Руденко: — Прошу привести приговор в исполнение.

Батицкий вскинул руку. Над повязкой сверкнул дико выпученный глаз, второй Берия прищурил. Батицкий нажал на курок, пуля угодила в середину лба. Тело повисло на веревках.

Казнь свершилась в присутствии маршала Конева и тех военных, что арестовали и охраняли Берия.

Подозвали врача. "Что его осматривать,— заметил врач,— он готов. Я его знаю, он давно сгнил, еще в сорок третьем болел сифилисом". Все же он взял повисшую руку за кисть, взглянул на лицо казненного. Осталось засвидетельствовать факт смерти.

Тело Берия завернули в холстину и отправили в крематорий. Туда же отвезли тела казненных в тот же день на Лубянке шести подручных.

Так бесславно, в бетонном бункере, закончилась многотрудная жизнь одного из самых знаменитых в истории человечества вурдалаков. Он посвятил себя делу искоренения свободы и правды, уничтожению трудового народа. Всякий намек на нравственность и интеллект он воспринимал как личную обиду, интеллигентов он истреблял в первую очередь. Более всего он не терпел в людях гордое чувство собственного достоинства. Ремесло палача этот врожденный садист избрал не удовольствия ради, хотя на этом поприще ему удалось превзойти всех. Путь на самый верх лежал через горы трупов, но Берия не боялся трудностей. Он мнил себя "настоящим большевиком" вполне серьезно. Вполне, вполне.

Берия выпала лихая судьба. Ему не дано было истребить всех сограждан. Эту трагедию он мужественно разделил со своим учителем и другом Иосифом Сталиным. Зато оставшиеся в живых подданные прониклись, до кончиков ногтей пропитались духом послушания.

Не к этому ли конечному результату они стремились, Папа Большой и Папа Малый? В 1953-м были в ходу частушки, сочиненные бог знает кем, скорее всего плод фольклора.

Лаврентии Палыч Берия
Не оправдал доверия —
Остался от Берия
Лишь только пук да перия.
Щетет в Тбилиси альча
Не для Лаврентия Палыча,
А для Климент Ефремыча
И Вячеслав Михальча.

И анекдот передавали из уст в уста:

Стоят преступники в аду — кто в крови, кто в пламени горит. Данте обходит владения дьявола, видит: один из самых страшных неголяев стоит в крови лишь по колено. Удивился Данте, подошел, узнал Лаврентия Берия:

— Почему так мелко, Лаврентий Павлович?

— А я на плечах Иосифа Виссарионовича...

Достоверная картина ареста и казни Берия не могла быть воссоздана без правдивых свидетельств военных. Мне довелось многократно беседовать с тремя из них, Батицким, Баксовым и Иференвым. Отважные люди, бывалые фронтовики. И точные в передаче деталей пережитого.

Москва. 1979—1988 гг.

Last-modified: Sun, 28 May 2000 19:57:57 GMT
Оцените этот текст:Не читал10987654321